

ТЕАТР

Оставаясь самим собой...

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

О ВСЕМ недавно выпускали мы спектакль «Похождения бравого солдата Швейка». Всемирно известные иллюстрации к роману Ярослава Гашека его современника и друга Йозефа Лады. Гротескные рисунки художника слились в нашем сознании с описаниями автора. Однако, стремясь разрушить традиционные представления и приблизить героев Гашека к современному зрителю, мы решили не «закрывать» лиц артистов ни наклейками, ни париками, ни гримом. Решение рискованное — уж очень много почитателей у романа, уж очень знакомы всем рисунки Лады! Легко представить наше смущение, когда на премьеру пришел известный чешский писатель Иржи Тауфер!

После спектакля он назвал мне тех, кто, по его мнению, «как две капли воды» похож на изображения Лады.

То были артисты, которые просто-напросто хорошо играли. Чудодейственным образом они оказались внешне «похожими». Среди названных был исполнитель роли поручика Лукаша Роман Вильдан. Как же так? Ведь Лукаш во всех изданиях книги — плюгавый хлыщ с усами-щеточкой. Вильдан был вовсе не плюгав, а на лице его не только не было усов, но даже и обыкновенного «тона».

— Очень хороший грим! — утверждал Тауфер. Отличный знак творчества Гашека был введен в заблуждение.

Творчество Романа Вильдана уже хорошо знакомо уфимским зрителям.

Три роли наверняка привлекли их внимание. Великовозрастный студент Онуфрий из «Дней нашей жизни» Леонида Андреева. (Постановка Равенских и х). Неудачник и нескладеха, перебирающийся с одной квартиры на другую в поисках дешевого пристанища, мечтающий о жизни в «тихом семействе». Верный друг, готовый всегда прийти на выручку. Справедливый, честный, неприкаянный человек в студенческой форме ходит по сцене усталый, развинченный походкой, еле-еле передвигая ноги, небрежно роняя пронизанные едким юмором фразы. Жалкий и добрый человек.

Совершенно иное — Мулин из комедии А. Н. Островского «Невольницы». (Постановка А. Говорухо). Он тоже честен и даже благороден, но честность эта и благородство находятся в другом кругу понятий. Он расчетливо честен, расчетливо добр. Этот молодой человек умеет пожертвовать многим ради карьеры. Ловкий, увертливый, скользкий, вот он стремительно взлетает по петляющей лестнице в свою каморку и так же стремительно свергается вниз, почуяв опасность. Мулин все время на чеку. Все время разговорах — с хозяйном, в любовных объяснениях — с хозяйкой, в амурной интриге — с ее подругой.

Он идет по жизни легко, упругой, пружинистой походкой. Кажется, что он пойдет далеко.

Третья роль — неунывающий индийский артист Дженнаро из спектакля «Человек и джентльмен».

Удивительна жизненная энергия дна Дженнаро! Влюбленный в искусство, в жизнь, он безраздельно предан своим товарищам по театру. И на сцене, и в жизни борется он за одни и те же человеческие идеалы — добро, бескорыстие, любовь, благородство. В жизни бороться за них труднее, чем в пьесе. На долю Дженнаро достаются одни неприятности. Его труппа проваливает спектакль, ему обваривают ноги, его хотят арестовать и, наконец, арестовывают. Но почему же смеется зрительный зал? Только ли потому, что так уморительно смешон этот человек с заплетаются, расплывающимися в разные стороны ногами? Или зрителям по душе удивительное жизнелюбие и оптимизм героя Вильдана?

Три непохожих человека с разными походками по-разному шагают по жизни.

Тех, кто видел Р. Вильдана — Мулина и Дженнаро, — должно быть, удивит, что главное и лучшее создание артиста гончаровский Обломов.

Как, этот длинный и худой, ловкий и эксцентричный, складывающийся словно пополам артист — воплощение покоя, ленивец Илья Ильич?

Да, это так. С одной лишь поправкой. Обломов Вильдан вовсе не покоен и не так уж ленив.

Артисту дороги душевные порывы Обломова, его доброта, талантливость и широта натуры. Год работы над постановкой «Обломова» сблизил меня, режиссера, с артистом. Для нас обоих, так же как и для всех исполнителей этого спектакля, стали бесконечно дорогими страницы романа, который изучают на уроках литературы поколения школьников.

Я помню, как довелось мне самому «изучать» роман в школе. Было это давно и, надо думать, теперешние школьники учатся не только «разбирать», но и понимать Обломова. Мы же выписывали мелом на классной доске — «ленивый», «бесхарактерный», «избалованный»... Вдоволь поупражнявшись в поисках бранных слов, ставили фигурную скобку и писали вдоль нее — «пустоцвет».

Сколько сил отдали мы с Вильданом разрушению этой школьной схемы!

Ведь она безнадежно отдала от нас, современников, духовный облик Обломова. А нашей задачей было приблизить его к нам, предостеречь спектаклем против духовного оскудения, пагубной тяги к компромиссам, духовной гибели. Мы вновь и вновь вчитывались в строки Ленина, остерегавшего от опасности «обломовщины».

Трагедия Обломова, трагедия гибели доброго, умного, честного человека в век практицизма — вот что оказалось в центре нашего внимания.

Чем шире, многообразнее духовные возможности героя — тем страшнее крушение, тем трагичнее гибель.

Рассказывать о том, что получилось, — всегда трудно. Куда легче — о намерениях. О нашем спектакле много писали, спорили.

Остается лишь пригласить всех, кто не мог еще увидеть его, к нам в Москву, на Тверской бульвар. Там Вильдан расскажет вам историю Обломова так, как понял ее он.

Очень разные роли сыграны Р. Вильданом в театре имени Пушкина, а до этого в Московском художественном театре. Каждый раз — другой человек с тем же самым лицом, тем же голосом.

Каждый раз естественный, узнаваемый и новый. Тот же самый и... другой!

В чем же секрет подобного преобразования?

Есть разные артисты. Одни предпочитают смотреть на воплощаемый ими образ как бы извне. Они так и говорят о своем персонаже: «он хитрый» или «он добрый», или «тут он посмотрел», или «тут он удивляется». Вильдан всегда говорит на репетициях о своем герое — «я».

И дело не в местоимениях, конечно, а в иной направленности творческого внимания. Он всегда берет на себя всю полноту ответственности за поступки действующего лица. Как бы примеряет их «на себя». Ставит себя на место

другого человека. Преображаясь, он каждый раз остается самим собой. И в этом главный секрет полноты его превращений. Бывает, артисты боятся — «ой, повторяюсь!», «ай, узнают!», заботятся — «как бы понадежнее измениться»: и, увы, повторяются.

Вильдан никогда не печется о внешней несхожести. Он в каждой роли смотрит на мир своими глазами, только точка зрения меняется. Он всегда думает по-настоящему — только угол восприятия жизни — новый. Он слушает так же, только каждый раз улавливает другое. Тут он остается верен школе — воспитавшей его, — школе Художественного театра. Это не так мало — остаться верным своим учителям!

Сколько подстерегает молодого актера «соблазнов»! Режиссер навязывает свое решение, предлагает интересный, парадоксальный рисунок, который, хотя и разрушает логику естественного поведения персонажа, но зато кажется таким выразительным! Сколько артистов в угоду яркости рисунка жертвуют правдой, идя на такой, казалось бы, еще совсем невинный компромисс и, порывая со школой, предавая (невольно) уроки учителя, нередко одерживают победу.

Успех оказывается недолговечным, а травма, нанесенная органической природе актера, — слишком сильной. Роль за ролью теряет актер способность к самостоятельному творчеству. Так и начинаются «повторения». Вильдан чудно, как подобный побед. Он предпочитает лучше провалить роль, нежели изменить себе. Лучшее неудача, чем отступление, сдача позиций. В таких поражениях — залог творческих побед. Вильдан остается самим собой, думая о роли, выстраивая ее на репетициях, играя ее каждый вечер. В каждой из ролей звучит его актерская тема — тема победы добра. Так мало, кажется, изменяется он внешне, но изменяется нечто более важное — направление духовной жизни. Тогда неуловимо изменяется все остальное. Онуфрий, Мулин, Дженнаро, Обломов... Он становится совершенно другим этот актер, всегда остающийся самим собой!

О. РЕМЕЗ,
заслуженный артист
РСФСР, кандидат искусствоведения.

На снимке В. Стрижевского сцена из спектакля «Невольницы», в роли Мулина Р. Вильдан.

